

Божественный дар легкомыслия

Литурд. - 1994. - Зидек. - 81 с.

несет нам иронический поэт Владимир Вишневский

Есть люди, без которых невозможно представить эпоху. Убери их из нее, вычеркни то, что они сделали, — и время потеряет цвет, вкус, запах... Владимир Вишневский — один из таких людей. Его одно- и двустихия едва ли войдут в учебники литературы, но летопись возрожденной России, равно как и духовная летопись вечно живого "совка", без них будут неполны.

У нас под домом, в восемь С лотка давали в морду. И много собралось Советского народа. Умри, поэт, лучше не скажешь! Мы встретились с Вишневским на юмористическом вечере: было поздно, темно, душно; любимый страной молодой сатирик читал с эстрады рассказ, напечатанный в новомодном номере "Труда" ровно триста шестьдесят пять дней тому назад. Я помнил его до последней запятой, так как расставлял их сам. Это обстоятельство невольно повлияло на мой первый вопрос...

— Володя, иногда мне кажется, что нет на свете профессии печальней, чем у юмориста. Из вечера в вечер выходить на сцену, читать одни и те же тексты, стараясь рассмешить публику — что может быть тягостней? Могу себе представить, как тяжело садиться за рабочий стол, чтобы выдать ежедневную норму — зное количество страниц до колки смешного текста...

— Быть может, да только я не юморист. Я — иронический поэт, и это не имеет никакого отношения к юмористике в традиционном, архаическом понимании, к конферансу и сочинению фельетонов. Да, я выхожу на эстраду, читаю свои стихи, поневоле повторяюсь, порой вижу в зале одни и те же лица... Но здесь нет ничего печального: это позволяет и подпитываться энергией зала, и вести достаточно приятный образ жизни. Помимо всего прочего, подобного рода деятельность приносит деньги. Все литераторы сейчас находятся в печальном положении, но на стихи иронического поэта — в отличие от поэта лирического — по-прежнему есть спрос. Лириков нынче не издают, а если и издают, то толку от этого, увы, немного: публикации утратили былой престиж, гонорары представляют собой величину чисто символическую. К тому же выплачивают их далеко не всегда. Нынешняя наша окаянная эпоха требует смешного — вот я с ней и совпал.

Но пока я не занял свою экологическую нишу (с учетом моей тематики правильнее было бы — экологический альбом), я выпустил два лирических сборника — "Московская прописка" и "Подписка о взаимности". Я мог бы стать добротным лирическим поэтом, но вместо того, чтобы писать длинные стихи о неразделенной любви, почему-то стал писать короткие о разделенной:

"Я люблю ее по-своему!.."

(И она меня, по-моему).

— У вас нет ощущения, что в результате вы потеряли нечто важное? Лирический поэт заставляет людей плакать, иронический — всего лишь смешит...

— Всего лишь? Но ведь русский юмор — совершенно особого свойства. Жванецкий как-то сказал: наш юмор потому непереводадим, что наши беды непереводадимы. Если американцы чисто физически хотят улыбаться во все свои здоровые зубы, то у нас дело обстоит по-другому: мы смеемся сквозь слезы. Торты, летящие в физиономию, и спадающие штаны особого веселья у отечественной публики не вызовут. Наш смех — это не естественная физическая реакция здоровой и самодовольной нации; за ним всегда стоит что-то очень серьезное.

Да, я занимаюсь массовой культурой. Если кто-то скажет, что моя деятельность не имеет отношения к литературе, я не стану спорить. Когда я занял свой экологический альбом, мне захотелось как-то эстетически оснастить, понять, что мое занятие собой представляет. И я наткнулся на чудесный неологизм, изобретение ребенка, сына одного из моих приятелей, родившееся, когда отец застал его за стихосложением. Он сказал: "Нет, папа, это не стихи. Это путни". Стихотворение, посвященное этому замечательному слову, я вставляю в свою новую книгу.

Да, вы на лире — я на лютне.

Да-да, с мной вопрос решен.

Да, господа, пишу я путни.

Но я пишу их хорошо.

Гофман сказал: "Нужно делать то, что дается легко, но делать это изо всех сил". Вот я и пишу путни и одностишия... Могу сослаться и на писателя и теоретика литературы, "алхимика слова" Яна Парандовского, говаривавшего: первая строчка бывает настолько удачна, что не хочется писать вторую. Первая как будто послана с небес, а все остальные подсовывает какой-то враг...

Да, ремесло тех, кто профессионально смешит людей, порой бывает печальным. И все же если я одной строкой могу изменить настроение в зале, значит, я живу не самой подлой жизнью. Конечно, дело это вымирающее...

— Почему же?

— А вы видите среди наших сатириков новые, молодые лица? Есть преемники у Арканова, Горина, Жванецкого?

— Во всяком случае, я о них ничего не знаю. Мне кажется, что сейчас время не очень подходящее для расцвета сатиры и юмористики. Раньше, когда все клапаны в обществе были наглухо задрены, в сатире был какой-то общественный пафос... Сегодня это всего лишь развлечение.

— Вы правы. Вместе с эзоповым языком из отечественной юмористики ушло очень многое. Эзопов язык и возможность говорить все открытым текстом соотносятся так же, как эротика и порнография. Если поэтическая недообнаженность — искусство, то порнография попросту скучна.

А что касается отсутствия новых людей... Да не идут они в эту профессию. Сегодня нет питательной среды для возникновения такого рода талантов. Есть когорта клас-

сиков: Арканов, Жванецкий, Горин, Иванов, есть Шендерович, Иртеньев, простите за нескромность, я... Сатириков моложе сорока я почти не знаю.

С другой стороны, в семидесяти годы, откуда мы все родом, сатириков из нас делала сама жизнь. Официоз брежневской эпохи был чистой воды перформансом. Когда сегодня по телевизору, случается, показывают, как Брежневу вручают очередной орден и глубокие, продолжительные аплодисменты переходят в овацию, я прилипаю к экрану. Тогда мы были настолько пригнетены, что не пытались осознать все это в формах искусства, — выскокого совка или же позднего соцарта... Но алгоритм нашего юмора был задан эпохой застоя. Если бы не маразм семидесятых и восьмидесятых годов, не было бы и иронического поэта Вишневского.

Все пробивались сквозь асфальт совка,

Но... на его дрожжах взошли обильно.

И не нашлось такого старика
Чтоб, нас заметив, в гроб сошел
умильно.

— И все же: почему нынешних бонз неинтересно передразнивать? Сегодняшние рожи так же смешны и отвратительны, так же закостенели в маразме. Почему же они не становятся персонажами анекдотов?

— Маркс сказал (и это уже банальность), что история совершается дважды: первый раз в виде трагедии, второй — фарса. В нашем случае это определение надо бы перевернуть: если брежневский период отечественной истории был фарсом, то нынешний стал трагедией. Кровавым театром абсурда. Сейчас власть агрессивно-безумна, и последствия этого не смягчат даже отчасти присущий ей деловой прагматизм. Раньше нами правили дураки, а теперь — подлецы. Общим знаменателем жизни стал ужас, и это уже не смешит. С этими лицами мы связываем то, что нам страшно ходить по улицам, — как же над ними смеяться?

У меня есть стихи, которые я нигде не печатал:

Не зря так много истины излилось

На тех, кто изгляется во зле.
Все чаще торжествует справедливость.

Все чаще торжествует справедливость!

И, торжествуя, пляшет на столе.
Сейчас люди смеются только благодаря не убитой еще потребности радоваться жизни. Лично я выжил только благодаря легкомыслию. Если бы все, что происходит вокруг, я воспринимал адекватно, то сошел бы с ума. Уехал, застрелился, не смог писать... Меня спас божественный дар легкомыслия.

Однако всеобщее ощущение ужаса неизбежно сказывается и на качестве нашей юмористики, и на реакциях публики. Да, сатирики собирают полные залы: людям хочется погреться друг о друга, побыть вместе, посмеяться, забыть о том, что происходит на улице. Но обус-

ловлено это тем, что у нормально-среднеарифметического человека, который не является ни бандитом, ни банкиром, в жизни очень мало радостей. К тому же он чувствует, что неприятные неожиданности подстерегают его на каждом шагу, — и хватается за смех как за наркотик. Но качество того, над чем он смеется, стало намного ниже: наша юмористика быстро приближается к любимой американцами перестрелке кремовыми тортами. Разница в том, что янки любят такого рода шутки от избыточного, здорового оптимизма, а мы — по прямо противоположной причине.

Специфика нынешней жизни, с ее повышенной летальностью, заставляет людей жить сегодняшним днем, сиюминутно. И смеяться они хотят сегодня — завтра, может быть, уже не придется этого делать. Я и сам сейчас живу днем сегодняшним. Недавно я написал такое четверостишие:

Во имя завтрашнего дня

Я больше и горы не сдвину.

Но настоящее меня

Волнует даже как мужчину.

Чувственно волнует настоящее в его сиюминутности. Прошлое я научился отсекал, меня больше не мучит память о былых унижениях, о бодрой поступи тех, кто когда-то по мне хорошо прошелся. Будущее очень гадательно. Его практически нет, тем более светлого. Осталась божественная сиюминутность бытия, преддверие встречи: с девушкой, с новым впечатлением...

Мне страшно интересно ходить по сегодняшнему городу. Я смотрю на прохожих, улыбаюсь женщинам... Да, жить стало тяжелее, да, "зимой в Москве громоздко женихаться", но зато по-прежнему можно прожить день как эротическое приключение.

А можно ли ждть от жизни большего?

**Беседу вел
Алексей ФИЛИППОВ.**

Мы публикуем подборку стихов из новой книги Владимира Вишневского "Спасибо мне, что есть я у тебя".

В этих буднях великой жути
Все смешалось — и штампы отказывают:

Все страшнее физики шутят,
Все смешней чекисты рассказы-вают.

Без страха, но с упреком

г-ке
нужную \ненужную\ вписать
Я в юности не раз
один на бабу хаживал, —
Бывал целован, люб,
с отрывом от земли, —
И я не для том здоровый быт на-
лаживал,
Чтоб недостойно в нем
Вы тут себя вели!..

Пассажирский поезд

В купе известном одноместном
Нажмешь на жуткую педаль, —
И вдруг откроется бездна,
Но — очарованная даль.

Чеканно присягая

Приучен комсомолом и судьбой
Застегивать бюстгальтер за собой.